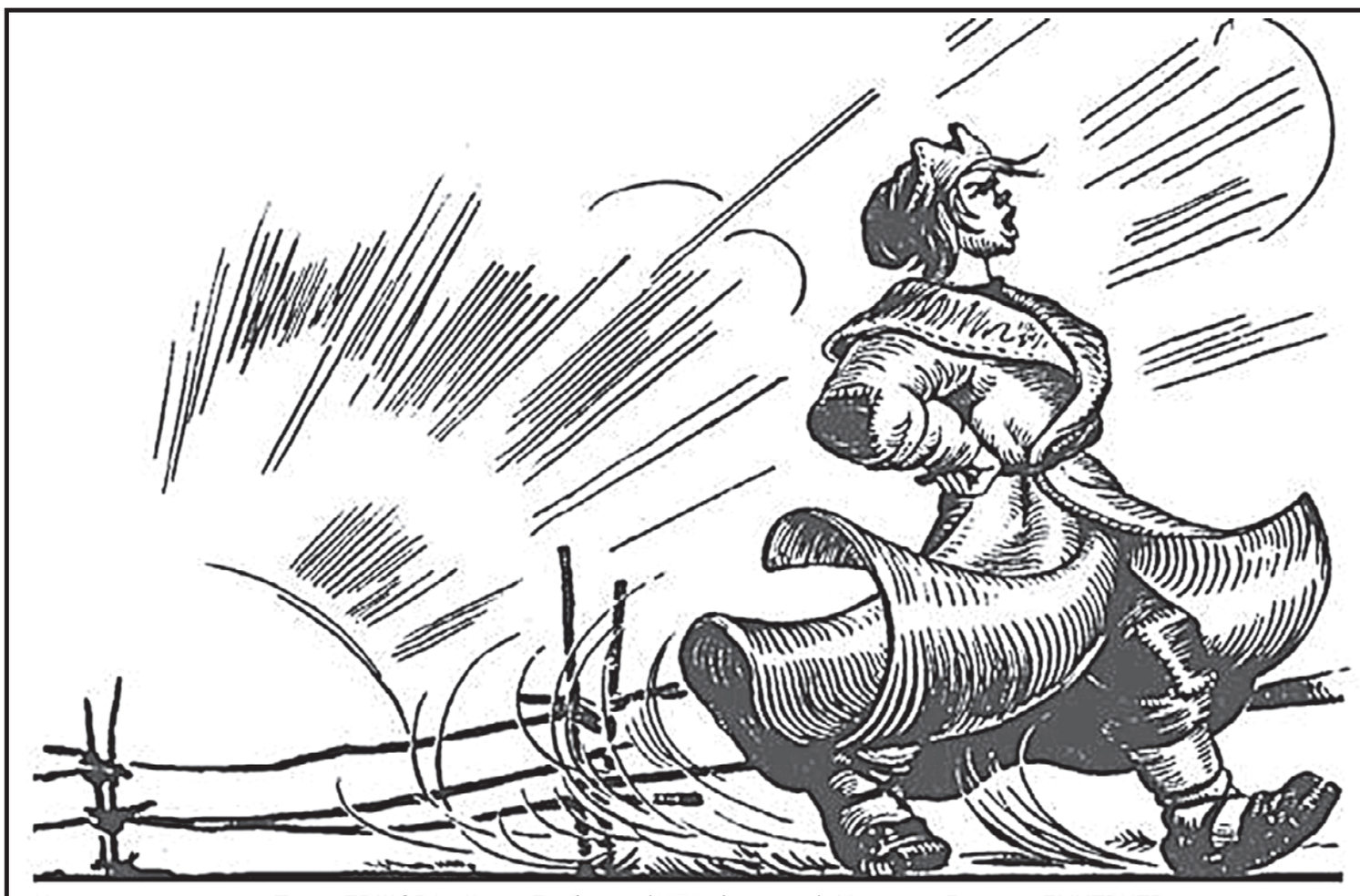

Иллюстрация к сказке Петра ЕРШОВА «Конек-Горбунок» (1976, фрагмент). Художник Дмитрий ДМИТРИЕВ

Шамиль СУЛТАНОВ

СУФИЙСКИЕ СНЫ

Мистическая фантасмагория ночного приключения одинокого самосознания

НА ПРИГЛУШЕННО освещенной сцене — скромный интерьер кабинета-спальни. Много стеллажей с книгами. На письменном столе — компьютер. Рядом, на небольшом столике, микроскоп, и еще какие-то приборы. На стенах — несколько картин с сюрреалистическими фантазиями.

На диване полулежит холеный, стандартно-симпатичный мужчина, в очках и в атласном, темно-красном, дорогом халате. Ему около 40-45 лет, и он явно из той породы, которая очень нравится самым разным женщинам. У него в руках айпад. Он очень внимательно, даже с каким-то напряжением читает. Потом устало откидывается…Свет постепенно гаснет.

ПЕРВЫЙ СОН

…Очень темный зал. На ярко освещенную сцену, которая оформлена в виде извилистой тропики среди редкого леса, медленно входит сказочный Иванушка-дурачок, неопределенного среднего возраста, в типичной одежде задрипанного клоуна-бомжа со старой балалайкой несуразных размеров.

Под аккомпанемент струн он медленно, но громко, внятно, весело и даже с какой-то ноткой угрозы запевает:

"Эх, яблочко, куды ты котишься
В эту жизнь попадешь, не воротишься"

Находясь на средней части тропы, на сцене, он поет чуть быстрее, но уже гораздо тише и глуше:

"Эх, яблочко, куда ты катишься…"

Приближаясь к противоположному концу сцены, он повторяет еще быстрее, но уже с явным надрывом и страхом, чуть не плача:

"Эх, яблочко, куда ты катишься…"

Как только Иван-дурак уходит, свет на сцене полностью гаснет, и одновременно там же вспыхивают десятки и, кажется, даже сотни огромных плазменных экранов: на стенах, на потолке, в углах и даже на полу… Возникает эффект одного большого, искривленного экрана, с отражениями различных эпизодов обыденной, каждодневной жизни

НА КАЖДОМ ЭКРАНЕ — своего рода стандартная информационная картинка:
— типичный офисный зал с десятками мужчин и женщин, напряженно уткнувшихся в компьютеры,
— длинный автомобильный конвейер с сотнями энергично работающих слесарей-сборщиков,
— заседание Государственной Думы, с коллекцией депутатских физиономий на крупном плане: равнодушных, глупых, хитрых, коварных, толстых, хищных, больных…,
— зал игровых автоматов в какой-то юго-восточной стране Азии с почти парализованными от сосредоточенности лицами подростков,
— картина реального военного боя, то ли в Сирии, то ли в Афганистане, то ли в Сомали,
— торжественное прощание с ухоженным, напомаженным покойником в роскошном зале похоронных процессий,
— пляж, где-то в Турции или в Доминикане: сотни красивых и не очень человеческих тел: взрослых, подростков, детей,
— стандартный биржевой зал на Уолл-стрите в Нью-Йорке,
— справа — равнодушное заседание унылого правительства Медведева, слева на экране — унылое заседание равнодушного правительства Меркель,
— школьный класс: заинтересованные, наглые, сонные лица подростков смотрят на очень толстую, самоуверенную учительницу,
— узкая встреча, за роскошным ужином, группы миллиардеров: несколько знакомых лиц,
— ночная площадь где-то в Бразилии: "тусуются" группы молодежи, с гитарами и наркотиками,
— переполненная улица в Шанхае: тысячи китайцев и не только, толпы весело идут, входя и выходя из торговых центров и магазинов…
— и т.д.

ВДРУГ ГДЕ-ТО в непроглядном, мрачном пространстве невидимого театра (а не на экранах) раздаются приятные и нежные звуки небольшого колокольчика.

И сразу, почти моментально, меняется картинка. Все персонажи на всех экранах вдруг начинают танцевать один и тот же быстрый танец под один и тот же широко известный классический музыкальный ритм из оперы Гуно.

Постепенно скорость этой "вирусной" мелодии нарастает, а соответственно, возрастает и скорость странного танца. На каждом экране широким планом: молодые, стройные, пожилые, упитанные и совсем худые люди с неуклюжими движениями, с нелепыми гримасами, с жирными большими каплями пота на лицах.

Время от времени некоторые из них на экранах падают — и видно, как кто-то, невидимый, но мощный, резко, рывками утаскивает тела за ноги с еще дрыгающими головами между танцующими. На мгновение возникающая пустота на картинке тут же заполняется новыми танцующими персонажами, которые появляются словно ниоткуда.

Вдруг неожиданно, особенно ярко и требовательно, вспыхивают несколько новых больших экранов, где под ту же музыку Гуно демонстрируется дрессировка различных животных: свиней заставляют хрюкать, истощенных баранов — бегать за свежей травой, ослы тянут повозки, а перед ними на привязи морковки, львы и тигры стоят на задних лапах, измученных собачек и кошек заставляют танцевать на задних лапах…

Причем никаких дрессировщиков на экранах не видно.

Постепенно ритм одной и той же мелодии с музыкальной заставки убыстряется и для животных, и для людей. Все превращается в некую единую, почти безумную вакханалию.

СНОВА НЕОЖИДАННО в темном, мрачном, невидимом театральном зале раздаются те же самые приятные и нежные звуки колокольчика.

И на всех экранах происходит немедленное возвращение к первоначальной, стандартной картинке. Но кое-где видимые изменения все же произошли: у некоторых персонажей по-прежнему на лицах большие капли скатывающего пота, кто-то держит свой рот ненатурально широко открытым, многие не могут унять дрожь, некоторые глотают таблетки, камера показывает пустые места, которых не было еще несколько минут назад…

Все экраны также внезапно гаснут, в зале по-прежнему полная темнота. Затем на сцене, откуда-то сверху, появляется столб света, который постепенно достигает пола. В этом столбе угадывается смутная, безмолвная и совершенно бесформенная фигура — то ли человеческая. то ли подобная человеку, но очень странная и необычная. Столб света внезапно пропадает, но колеблющаяся, и теперь как бы чуть подсвечиваемая внутренним мерцанием, фигура остается.

НА СЦЕНЕ ОСТОРОЖНО, на этот раз словно сильно испуганный, появляется тот же самый Иванушка-дурачок с той же самой несуразной балалайкой в руках. Он молча проходит, петляя, то направо, затем — налево, в том числе проходя сквозь странную, бесформенную фигуру. Видно, что ее он никак не замечает.

Иван пытается ударить по струнам, но, вдруг он выпрямляется и застывает на месте, словно что-то внезапно вспомнив. Балалайка с грохотом падает на сцену.

В этот момент начинает говорить мягкий, тихий женский голос — словно мать обращается к своему больному, капризному ребенку, увещевая и одновременно успокаивая его. И слова эти раздаются и сверху, и откуда-то из углов, и с самой сцены, и откуда-то изнутри, из глубин…

— Никогда не забывай, Иванушка, о прекрасной и мерцающей загадке своей единственной и неповторимой жизни. Ты должен найти ее затаенный смысл! Это твой безусловный, непреклонный долг! И ты должен сделать то, что никто и никогда, кроме тебя, здесь, на планете Земля, сделать не сможет!

…Вновь вспыхивают на стенах, сверху и на полу сцены плазменные экраны.

Глубокая тишина темного, ночного города, а может это даже это чем-то похожие друг на друга разные города в самых различных концах света. Мрачные, узкие, искривленные улицы, которые все ведут к многочисленным, однотипным кладбищам: роскошным, богатым и бедным, но беспощадно стандартным.

Вдруг постепенно слышится сначала очень тихая, но уже явственная поступь. Спокойный, равнодушный ритм необычного боевого марша (викингов) нарастает, и вот он уже слышим из всех невидимых углов и закоулков, казалось бы, безмерно расширившегося зрительного зала. На экранах медленно проходит чья-то еще более мрачная, даже по сравнению с тьмой ночи, тень.

…И вновь раздается — неизвестно откуда — тот же мягкий, нежный, материнский голос: "Те, кто забывает об этом долге, обречены на неминуемое исчезновение".

ВТОРОЙ СОН

…Иванушка-дурачок стоит перед большим зеркалом и с удовольствием смотрит на свое отражение. Затем чуть оборачивается к невидимому, безмолвному залу, и, направляя указательный палец на зеркало, ухмыляясь, говорит:
— Познакомьтесь! Это мой извечный друг, но который абсолютно не знает, и даже не догадывается, что он только тень!

В зеркале совершенно другой Иван-дурак, одетый в прекрасный костюм-тройку, с великолепным галстуком, в свою очередь смотрит на себя в другом, внутреннем зеркале. Свет гаснет

И ТУТ ЖЕ ВНОВЬ ВКЛЮЧАЕТСЯ. Сумрачная сцена, словно в предутреннем тумане.

Луч прожектора выхватывает на сцене ту же странную бесформенную фигуру, а рядом маленькую танцующую девочку. Постепенно девочка растет, изменяется, становится все старше. Вот она уже подросток, юная девушка, молодая прекрасная женщина. Постепенно танцевать ей становится все сложнее: па становятся более неуклюжими, она начинает спотыкаться. Вот она уже зрелая женщина, вот у нее в руках появляется нечто похожее на трость, а потом и на костыль. Но она все еще пытается танцевать. А нежная музыка играет все так же, как и в самом начале. Вот она — уже старуха, это уже не танец, а только совершенно жалкое подобие танцевальных движений. Наконец, она устало садится в кресло…

Музыка продолжает тихо звучать, в то время как свет прожектора медленно гаснет и также медленно, словно в невесомость опрокидывается совсем одряхлевшая старуха.

ЧЕРЕЗ СЕКУНДУ на ярко освещенной, пустой сцене вновь появляется Иванушка-дурачок с той же самой несуразной своей балалайкой и, имитируя энергичные удары по струнам, бравурно, весело и вызывающе поет куплет на английском языке из "One way ticket to the Moon".

Затем, не допев, резко останавливается, и обращаясь к мрачному, безмолвному залу, говорит:
— Вот так мы обычно и смотрим на столь привычного и знакомого нам внешнего индивида! Именно внешнего — словно он всегда в каком-то зеркале! И это ведь действительно так! Мы смотрим на то как постоянно, ежеминутно, ежесекундно изменяются и гибнут слабые биологические организмы! Да, мы смотрим, но почти никогда не признаемся себе в том, что мы видим! Мы всегда стараемся не замечать даже самое очевидное, касающееся самых дорогих и любимых — нас самих. А почему? Потому что убеждены — и никакими клещами не вытащить эту наглую в своем безумстве убежденность — что этот самый внешний индивид — венец всего и вся.

Но на самом деле есть и нечто иное, совершенно иное…

…ВНОВЬ НА СЦЕНЕ становится темно. Появляется огромный экран, а слева, на нем же, вспыхивает совсем небольшой другой экран. На этом маленьком экране вновь повторяется тот же самый танец девочки, подростка, девушки, женщины…Но в этот раз этот танец гораздо более замедленный и совершенно бесшумный — никакой музыки.

Одновременно на большом экране скользят крупные, сочные, вперемежку, многоцветные кадры:

Вот смеющаяся маленькая девочка обнимает свою улыбающуюся юную мать, вот эта же девочка, которая уже стала молодой женщиной, рыдая, подходит к гробу, в которой лежит пожилая женщина, напоминающая ее мать в далекой юности…

Вот девочка-подросток увлеченно и со смехом разговаривает со своей подружкой. Вот сцена первого свидания с красивым одноклассником, а вот свадьба этой школьной подруги с этим же, красивым юношей…

Вот девушка пишет стихи и вдруг в своих грезах оказывается на красивом необитаемом острове. И сразу же она — уже старше, гораздо старше, и одевает своего ребенка в зимнюю одежду, и что-то с любовью ему говорит…

Вот женщина на больничной койке, вокруг нее медсестры и два врача. Она бледная и осунувшаяся. Ей что-то говорят, но она ничего не слышит. Она закрывает глаза и видит двух своих детей-подростков, которые держатся за руки и смотрят на нее. И сразу же она в своей квартире, и куда-то провожает уже взрослого сына, а дочка стоит тут же, уже со своим ребенком в руках.

…Свежее утро. Луг, поют птицы, синие небеса. Она кружится, и непонятно сколько ей лет, то ли десять, то ли тридцать. Она громко поет, но неслышно. И тут же — видение сильного пожара, и она рвется вовнутрь, но ее не пускают…

ОБЛОКОТИВШИСЬ на свою большую балалайку, Иван-дурак задумчиво говорит:
— Так вот, а еще есть другая сторона этого обычного, стандартного внешнего индивида — его непонятное, таинственное сознание: вспыхивающие и гаснущие чувства, внезапная, не забываемая любовь, и, возможно, еще более внезапная ненависть, независящие от нас потоки умных, глупых, а порой и удивительных мыслей, необычайные интуитивные озарения, ворох бесчисленных воспоминаний, которые продолжают жить где-то там, в необъятных глубинах…

И мучительно трудно, и даже невозможно уяснить: управляешь ли ты, обычный человек своим близким, родным, как тебе кажется, но бесконечно загадочным сознанием, или же, оно, это чудовищно сложное нечто, этот мрачный, великий дракон, в конечном счете, куда-то направляет тебя, что-то постоянно и непрерывно лепит из тебя, что-то выстругивает…

ОН ОПЯТЬ БЕРЕТ В РУКИ балалайку и начинает тихо наигрывать аккорды из "Дом восходящего солнца", продолжая как бы про себя говорить:
— Ты возмущаешься, ты протестуешь против кажущейся бессмыслицы и произвола "трагедии", которая разрушает твою жизнь, поражает твою плоть и приближает твою смерть. Ты обвиняешь самых разных "врагов"! Но разве не может быть, что твой, самый близкий тебе "внутренний человек" избрал всю эту судьбу как часть пути своего совершенствования для того, чтобы безупречно пройти через необходимые испытания, — даже с риском или ценой ущерба для тебя, своей внешней тени, своего внешнего образа, своего внешнего индивида? Разве не могут трудности, несчастья, неожиданные провалы стать средством роста, прибывающей силы, расширяющегося опыта?…

Не будь "зла", осаждающего тебя, бросающего тебе вызов, ты давным-давно схватил бы вечную Истину и превратил бы ее в замечательную, маленькую, аккуратную пошлость.

Он на мгновение задумывается.
— А потому каждый, хочет он того или нет, в этой земной жизни проходит огромное количество испытаний. Приятных и страшных, неожиданных и безнадежных, красивых, грациозных и уродливых…Каждый прожитый день — это странная паутина больших и малых испытаний, даже если ты их уже не чувствуешь из-за своей толстокожести.

Твое сознание использует эти испытания, и соответственно тебя, чтобы накопить нечто новое, создать новое… Именно так твое сознание получает возможность действительно стать уникальным, неповторимым, сильным, чтобы попытаться и тебя из тени, из внешнего индивида сделать другим, совсем другим…

ВДРУГ НЕОЖИДАННО он берет несколько аккордов "Бандьера Росса", а затем также внезапно прерывается:
— А вот интересно, а зачем моему сознанию становиться ни на что не похожим? Оно же у меня не спрашивает разрешения на это! А, может быть, я сам этого не хочу — быть уникальным и не похожим? А хочу, на самом деле быть как все…

Тут он неожиданно цинично подмигивает невидимому залу, широко и глуповато улыбается, и понизив голос говорит:
— А вот сейчас я поведаю совсем уж занимательную тайну. Итак, только когда это твое странное сознание ухитряется (если, конечно сможет!) стать действительно неповторимым, действительно непохожим ни на что, действительно уникальным, оно превращается в волшебное зеркало. Конечно, все зеркала в мире волшебные, но это особенно магическое и колдовское. Потому что, именно в нем, в этом волшебном, чудовищно необычном зеркале способен проявиться, выразить себя твой настоящий, истинный, бессмертный, величайший "внутренний человек". Внешний индивид, коим ты сейчас и являешься, всего лишь слабое, далекое отражение, постоянно ускользающая, немощная его тень.

В этот момент он откидывает от себя балалайку и резко оборачивается вокруг себя, превращаясь в какого-то очень знакомого и известного актера, играющего Гамлета, который очень медленно и спокойно произносит:

Если ты дашь проявиться тому,
что есть в тебе,
То, чему ты дашь проявиться, спасет тебя.
Если ты не даешь проявиться тому,
что есть в тебе,
То, чему ты не даешь проявиться,
разрушит тебя.

Прожектор разворачивается, освещая выбегающую на сцену знакомую маленькую девочку. Она перестает бежать, проходит, ничего не замечая, сквозь ту же безмолвную и бесформенную фигуру, подходит вновь к вернувшемуся в свой образ Ивану-молодцу.

Эта тоненькая, изящная девочка вдруг почти кричит истошным, визгливым голосом то ли уставшей, то ли пьяной продавщицы бывшего сельмага:
— Не пудри мне мозги, дурак! Вот он настоящий, обычный, нормальный человек, и создан он, как полагается, по "образу и подобию", а в комплекте, к нему, соответственно прилагаются и душа, и дух, и все что хошь…!

ВНЕЗАПНО ДЕВОЧКА превращается в красивую девушку:
— Иванушка! Над нами же люди смеются…

Она начинает всхлипывать…
— Не плачь, дорогая! Наш мир настолько заполнен сверхумными, умными, почти умными, почти глупыми, глупыми и совершенными идиотами, что места там для настоящих дураков уже не осталось!

СРАЗУ ЖЕ ИВАН начинает энергично извлекать знакомые всем аккорды на балалайке:

Люди гибнут за металл…
Люди гибнут за металл…

…На сцене остаются Иван-дурак (без балалайки) и та же чуть покачивающаяся бесформенная фигура.

ИВАН ОГЛЯДЫВАЕТСЯ, но никого не замечает. Потом опять обращаясь в непроглядную темноту зала, начинает говорить с искренним, печальным надрывом:
— Судьба играет мной, а я вот бренчу на этом компе, то есть на этой балалайке…

В этот момент у него в руках вновь появляется этот музыкальный инструмент.

Он вертит его в руках и задумчиво говорит:
— Судьба — всего лишь другая тень моего "внутреннего человека", а балалайка — тень моей внутренней свободы.

Он пристально смотрит, не видя, на чуть колеблющуюся бесформенность.
— Некоторые мои кореша, такие же дураки, по пьяни вопят, что мол, созданы для определенной Работы…

В этот момент Иван саркастически-злобно говорит:
— Но я, как истинно тварь дрожащая, ничего об этом не знаю и никогда об этом не узнаю…

НА СЦЕНЕ ВНОВЬ гаснет свет. Раздается тот же самый мягкий материнский голос словно отовсюду:
— А ведь ты еще и не существовал, Иванушка, но твоя Работа была уже сотворена. Ты просто забыл, что возник из океана Работы… Ощущаешь ли ты счастье или гнев, находишься ли ты в высоком или скромном окружении, дома ты с женой и детьми или на райском необитаемом острове, встречаешь гостей или равнодушно смотришь в окно в своем учреждении, посещаешь свадьбу или пришел на кладбище, но всегда ты должен быть начеку, помня о Работе…

ВСПЫХИВАЕТ СВЕТ на сцене, и Иван-дурак медленно отворачивается от зала, вновь начиная громко и картинно всхлипывать.

НА СЦЕНУ ВЫШАГИВАЕТ та же самая маленькая девочка, и неожиданно глубоким басом говорит:
— Не забудь Иван, что ты — дурак, а, следовательно, ты можешь сам выбирать, в отличие от очень-очень знающих, самонадеянных и невнимательных.

Иван-дурак осторожно поворачивается, и вновь, глядя только в зал, спрашивает:
— А бить будут?
— По большому счету, какое это имеет значение? Есть три пути, встретиться со своим "внутренним человеком" — так сказать, непосредственно.

Первый вариант — путь пророков, святых, гениев, которые смогли встретиться со своим "внутренним человеком" уже здесь, на этой Земле.

Второй вариант — в совершенстве овладеть чудесным искусством умирания во время великого перехода, когда смерть превращается в твоего ближайшего друга"…
— А третий…?
— "Убей Будду!" Если, конечно, сможешь! Это то, неизвестное, что сможешь выбрать только ты сам и только для себя. Можно сказать, и иначе: когда твой единственный путь наконец-то остановит свой выбор именно на тебе…

ЧЕТВЕРТЫЙ СОН

Иван-дурак, освещенный на темной сцене прожектором, то ли беседует сам с собой, то ли обращается темному и неизвестному залу.
— Расскажу такую вот интересную, современную сказку. Жил да был один очень старый старик-миллиардер. У него было три сына. Два умных-бизнюка, и оба миллионеры. А третий — непохожий ни на кого из добропорядочных родственников — подался он в водители мусоросборочной машины, на которой собирал и вывозил мусор из очень большого мегаполиса.

В семье, конечно, никому не нравилось странное увлечение младшего. Но родственники все же надеялись, что со временем он возьмется за ум. Ведь "знает, знает мельница, все пройдет, все перемелется".

Старик-миллиардер, тем не менее, его любил, потому что сам мечтал в детстве стать чистильщиком, и даже одно время был подпольным активистом-экологом.

Проходили годы, семейный бизнес успешно расширялся, а самый младший сын продолжал всячески дискредитировать репутацию родных и близких. И, наконец, настал день, когда два старших респектабельных брата приняли окончательное решение изолировать непутевого братца.

Нет, нет, ничего не подумайте такого! В современном добропорядочном и политкорректном обществе наилучший способ для такой операции — тихо, без эксцессов, спрятать на время родственника куда-нибудь в комфортабельную, полуподпольную психиатрическую клинику для высокопоставленных особ. Тем более, что младший братец начал время от времени жаловаться на какие-то накатывающие головные боли… А потом, договориться там с соответствующими специалистами, чтобы лечение было основательным, продолжительным и эффективным…

Как договорились, так и сделали. И оказался младший сын-мусорщик в очень специализированном и очень аристократическом диспансере.

Был он незлобив и тих, и проблем с ним у персонала не возникало. Через какое-то время головные боли у него прекратились, но появилась необычная привычка. Он вдруг начал писать странные письма своему будущему сыну, при этом, в общем-то, догадываясь, что никаких детей у него не будет.

— Не забывай о важном аспекте твоей будущей жизни. Научись любые загадки ценить больше самых подробных и убедительных ответов! Недеяние ставь выше даже самых великих целей и усилий! Избегай однозначной ясности в больших и малых делах, будь терпелив и внимателен, и ты обязательно увидишь, как "знание" превращается в "ложь", а "ложь" — в "знание".
— А почему недеяние выше любого самого великого дела? Потому что, недеяние безгранично и охватывает все. А любое дело, даже самое, на первый взгляд, суперважное, и даже гениальное, оказывается ограничено колючей проволокой равнодушного времени.
— Тебе много раз будут говорить и повторять, что только большие массивы информации ведут к безусловной определенности и ясности в жизни. А такая ясность является самой необходимой основой для укрепления контроля и власти над собой, над людьми, над обстоятельствами, над временем, над пространством. Но это все — лажа, с начала и до конца…
— Любые массивы информации и любое множество дискретного знания обязательно приводят к такой определенности, после которой всегда возникает еще больший хаос. Усиление контроля в одной сфере обязательно вызывает рост неопределенности в другой области. Ты не можешь добиться эффективной власти над собой, потому что, ты не только не знаешь себя, но самое главное, никогда этого и не узнаешь. Власть над другими иллюзорна и всегда заканчивается всеобщим крахом. Невозможно реально контролировать обстоятельства, потому что совокупность причин их появления навсегда останется неизвестной. Претендовать на власть и контроль даже за ограниченным временем и пространством — это всего лишь форма проявления эпидемии специфического, но очень тяжелого психического заболевания среди политиков последних столетий.
— Помни, что внешнее знание всегда разрозненно, всегда кроссвордно и всегда, в конечном счете, вызывает хаос. Даже в так называемой рациональной науке. А потому попытка любого контроля, любой тотальной власти в обществе, экономике, в отношениях между людьми на основе такого внешнего, дискретного знания всегда, рано или поздно, оборачивается совершенно бессмысленным насилием. И чем круче такая мнимая определенность, тем кровожаднее такое тупое, повторяющееся вновь и вновь насилие. Везде и всегда.
— Цели могут достигаться или вроде бы достигаться. Но потом достигнутое неизбежно превращается в свою противоположность. Вслед за этим происходит взрыв и провал. А иногда просто бесконечный провал. А потом все начинается по новой…
— Но, между тем, периодически выстраиваясь колоннами и толпами на площадях, улицах, залах и душных кухнях миллионы с остервенением или с искренним вдохновением поют "И вновь продолжается бой…". Или что-то подобное…
И опять, раз за разом, проявляется простая истина: дурак, в конечном счете, всегда оказывается более счастливым любого умника, ибо беды всегда от ума, который не только всегда ограничен, но и который забыл, что ограничен!

— Я ничего о тебе не знаю, и вряд ли я когда-нибудь увижу тебя здесь на Земле. Но мы обязательно встретимся, потому что мы уже встречались в этой единственной, великолепной и вдохновляющей Реальности.

Она, эта Реальность не просто пронизана грациозными и восхитительными загадками, секретами, тайнами, Она и состоит из этого бесконечного Сокровенного. Как может тайна претендовать на раскрытие другой тайны? Это же абсурд, полнейшая нелепость!

Творческий потенциал Тайны во много раз грациознее, чем практическая эффективность пошлой ясности, а прекрасная в своей невидимой эстетике загадка вдохновляет лучше, чем десятки правильных математических формул…

…НО ОДНАЖДЫ все же наступил день, когда младший сын умер в этой психиатрической клинике. Естественно, что похороны прошли максимально засекреченными. Никаких папарацци, никаких посторонних! Только старшие братья-миллионеры с женами в черных очках, отец-миллиардер в коляске, многочисленная личная охрана. Были высказаны обычные для такой ситуации благообразные слова. Никто не плакал, потому что, уже давно разучились плакать. Каждый из благочестивых родственников-миллионеров печально наклонился к спокойному лицу словно только что заснувшего младшего братца. Отец-миллиардер молча прикоснулся ко лбу своего мертвого сына рукой.

Но скандал все же случился.

После того, как все попрощались с умершим, крышку гроба закрыли и поставили на роликовые ставни, по которым он должен был вкатиться в кремационную печь. И в этот момент отец-миллиардер решил опять в последний раз взглянуть на своего странного сына. Коляску подвезли к гробу, и два охранника чуть сдвинули крышку. Но тела там не оказалось — оно исчезло…